

СОВРЕМЕННОЕ СЛОВО

№ 732 ВОСКРЕСЕНЬЕ, 17 ЯНВАРЯ 1910 г.

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 17 ЯНВАРЯ 1910 г. № 732

Какъ хоронили Чехова.

17 января 1904 года Москва удивительно сердечно и тепло чествовала Чехова на первомъ представленіи „Вишневаго сада“, а 9 го июля та же Москва провожала на кладбище Ново-дѣвичьего монастыря прахъ Чехова, скончавшагося въ Баденвейлерѣ, въ ночь на 2-ое *).

Былъ странный хмурый день.

Наканунъ былъ радъ чисто русскимъ въ „чеховскомъ“ стилѣ недоразумѣній съ тѣломъ Чехова въ Петербургѣ. Полная растерянность, никто ничего не зналъ, никто не ждалъ и никому было распорядиться.

Въ Москвѣ рано утромъ весь длинный перронъ Николаевского вокзала былъ запруженъ народомъ.

Тутъ „знакомыя все лица“ литературной, артистической и культурной Москвы, по все это тонетъ въ морѣ молодежи. Даже удивительно, въ самую глухую пору лѣта, когда пустынь Москва.

Бросается въ глаза скорбное, болѣзненное и удрученное лицо Горькаго.

Вѣнки все прибываютъ. Ихъ не перечесть: серебряные, фарфоровые, но больше всего изъ живыхъ цвѣтовъ.

Ранѣ девяти часовъ къ платформѣ плавно подходитъ поѣздъ.

— Гдѣ? Гдѣ?

Ничего не разберешь.

Но намъ показываютъ въ составѣ поѣзда обыкновенный грязно-зеленый багажный вагонъ.

Онъ ничѣмъ не отличенъ и первое, что бросается въ глаза, это историческая, опять таки въ „чеховскомъ“ стилѣ надпись:

„Для перевозки свѣжихъ устрицъ“.

Отдвигаютъ тяжелыя двери, изъ темной глубины выдвигаютъ гробъ полированного желтаго дерева и несутъ его къ приготовленной колесницѣ. Но молодежь подхватываетъ тяжелый гробъ и несутъ его на рукахъ. Такъ и пронесли его весь этотъ страшно длинный и ужасно короткий путь черезъ всю Москву изъ конца въ конецъ.

Несмотря на ранній часъ и глухую лѣтнюю пору, на улицахъ толпа все растетъ и шествіе превращается въ огромную лавану. Молодежь, сбѣжавшая за

* Не вѣрите „Русскому календарю“ Суворина (1910 г.), въ которомъ напечатано (стр. 14), будто Чеховъ умеръ въ 1903 г.

руки съ трудомъ удерживаетъ снѣжный напоръ.

Литія въ Газетномъ переулкѣ у Художественнаго театра.

Гробъ ставятъ на приготовленный помостъ, обтянутый чернымъ сукномъ.

Сотни голосовъ, молодыхъ и звонкихъ подхватываютъ торжественный и печальный наѣвъ.

Сыплются на землю зеленыя вѣтки и живые цвѣты и тутъ же умираютъ на грязной мостовой растоптанные, жалкіе и все еще говорящіе о вѣчной красотѣ.

Какая то дѣлупка рыдаетъ, и эти трепетныя рыданія вливаются въ печально-торжественные звуки и сообщаютъ имъ какую-то живую и трогательную нѣжность.

Опять литія—у редакціи осиротѣвшей „Русской Мысли“.

Теперь уже покойный Гольцевъ такой растерянный, сразу опустившійся, автоматически чѣмъ-то распоряжается.

Опять долгій путь. Послѣдній путь.

Поздическое, все въ зелени кладбище Ново-дѣвичьего монастыря.

Толпа быстро залила всѣ проходы, заполнила всѣ ограды, а тамъ все еще идутъ цѣлыя толпы.

Могила Чехова подъ развѣстной липой. Вокругъ вѣнки, безконечное количество вѣнковъ. Ихъ не сосчитать.

Вотъ роскошный монументъ съ золотой надписью по мрамору:

„Московский первой гильдіи купецъ“ имя рекъ, а вокругъ вся его затѣйливая рѣшетка окружена прислоненными къ ней вѣнками съ трогательными надписями, съ чеховскими цитатами...

Грязнятся на мокрой землѣ бѣлыя ленты, топчутся цвѣты и вновь льются волны печально-величавыхъ наѣвовъ...

Подъ старой развѣстной липой клочекъ земли среди могилъ и на этомъ клочкѣ маленький могильный холмикъ.

Холмикъ—теперь тамъ уже каменный памятникъ—тянется къ боку стройной могильной плиты, подъ которой погребенъ отецъ А. П. Чехова.

Могила всегда въ цвѣтахъ, вся засыпана цвѣтами. И къ этому цвѣтущему клочку земли среди могилъ тянутся тысячи сердецъ, тянутся трепетныя вѣты живой связи съ умершими писателями.

Въ тѣ дни въ Москвѣ все было полно Чеховымъ, благодарной памятью о немъ. Вездѣ, гдѣ встрѣчались или собирались культурные люди звучало скорбное имя Чехова, вездѣ звучала печаль, что такъ преждевременно ушелъ изъ русской жизни не только одинъ изъ самыхъ талантливыхъ, но и одинъ изъ самыхъ культурныхъ русскихъ людей.

Въ сонной одурѣ русской жизни, среди хмурыхъ и скучныхъ людей, влачившихъ унылое, безкрасочное, невыносимо скучное существованіе, въ немъ жила неизбывная тоска по идеалу, онъ горячо вѣрилъ въ лучшее свѣтлое и радостное будущее, вѣрилъ въ красивую, полную, лучезарную жизнь.

Онъ зналъ, что человѣку нужна вся земля, весь шаръ земной, вся жизнь, со всеми радостями ея и со всѣмъ, что есть въ ней сильнаго, смѣлаго и великаго.

Онъ зналъ это и тогда, когда жизнь такъ рано и такъ безжалостно уходила отъ него, что ему самому скоро не нужно будетъ ничего, кромя клочка земли въ три аршина...

С. Любошъ.